

Иогансон Исаакович Зильберфарб **ВЫДАЮЩИЙСЯ ГЕЛЬВЕТСКИЙ ДЕМОКРАТ ПЕСТАЛОЦЦИ** **ИЗ ИСТОРИИ ОБЩЕСТВЕННЫХ ДВИЖЕНИЙ** **И МЕЖДУНАРОДНЫХ ОТНОШЕНИЙ**

Сборник статей в память академика

Евгения Викторовича Тарле

М.: изд-во Академии наук СССР. 1957. С.314-332

Веб-публикация: *Vive Liberta*, 2012

1. ДЕМОКРАТИЧЕСКОЕ ДВИЖЕНИЕ В ШВЕЙЦАРИИ ВТОРОЙ ПОЛОВИНЫ XVIII ВЕКА И ПРИОБЩЕНИЕ К НЕМУ ПЕСТАЛОЦЦИ

В последней четверти XVIII в. Швейцария вступила в полосу больших сдвигов во всех областях экономической, социальной, политической и культурной жизни.

Промышленность, с XVII в. получавшая значительный приток капиталов благодаря иммиграции предпринимателей-протестантов, бежавших из католических стран, развивалась в благоприятных условиях нейтралитета Швейцарии среди непрерывно воевавших соседей. Наряду с хлопчатобумажным и шелкоткацким производствами развивались и другие отрасли промышленности. Быстро росли также торговля и банковское дело, и недавно еще почти целиком скотоводческо-земледельческая страна выдвигалась на видное место в торгово-промышленной Европе.

Но такое развитие промышленности и торговли наблюдалось далеко не по всей Швейцарии. Восточная ее часть оставалась по-прежнему отсталой в хозяйственном отношении. Мелкое крестьянское сельское хозяйство (скотоводство и земледелие) все еще велось примитивно и не могло развиваться, будучи отягощено бременем десятины и прочих феодальных повинностей, взимаемых крупными землевладельцами либо городским патрициатом. В условиях сохранения в промышленности в основном формы рассеянной мануфактуры известная часть сельского населения втягивалась в промышленное производство и оказывалась в еще большей зависимости от капиталистического города. Развивался процесс расслоения крестьянства и пролетаризации известной его части, подвергавшейся особенно жестокой эксплуатации. Деревня, давно уже оказавшаяся под властью города, становилась еще более зависимой от господствовавшей в городе буржуазной олигархии. Углублялись противоречия между про-

---

¹ Революционно-политическая деятельность Иоганна-Генриха Песталоцци, известного во всем мире в качестве великого педагога, представляется в так или иначе «причесанном» виде или же совершенно замалчивается буржуазными историками, один из которых (Мерикофер) назвал ее «темной страницей жизни Песталоцци». Недостаточно освещена она и в трудах немногих писавших о ней добросовестных исследователей (Дж. Гийома, О. Хунцикера и др.), а советские историки изучением ее совсем не занимались. Автор настоящей статьи выполнил работу, посвященную этой теме, и в свое время представил ее в журнальных статьях и отдельных изданиях, опубликованных в 1927—1946 гг. Однако работа эта не может претендовать на законченность, поскольку она основана на ограниченном материале только печатных источников. Продолжая ее, позволяем себе дать здесь сжатое изложение ее результатов.

мышленно-развитыми кантонами и кантонами отсталыми, скотоводческо-земледельческими.

Хваленая свобода швейцарцев на деле давно перестала существовать и представляла собой, по образному выражению Гёте, «заспиртованную старую сказку». Демократия выродилась в олигархию, различную по форме в разных объединенных в Союзе мелких государствах, но по сути повсеместно угнетательскую и эксплуататорскую. В таких условиях, на почве растущих экономических противоречий, в Швейцарии последних десятилетий XVIII в. развивалась борьба буржуазии против патрициата, ремесленников и рабочих — против буржуазии, сельского населения — против городов. Нередко эта борьба принимала форму открытых возмущений, бунтов и даже вооруженных восстаний, которые жестоко подавлялись олигархическими правительствами, как, например, восстание 1781 г. в Фрейбурге и восстание 1782 г. в Женеве.

Быстрое промышленное развитие Швейцарии во второй половине XVIII в., приведшее к росту ее торговли и международных связей, создало благоприятные условия для духовного прогресса этой страны. Научные идеи, связанные с именами Коперника, Ньютона и других великих новаторов науки, вместе с социальными и политическими идеями Вольтера, Руссо и других выдающихся просветителей, а также литературные веяния, шедшие от Клопштока, Виланда, Клейста, Гёте, Фихте и других писателей, проникали в среду швейцарской интеллигенции, содействуя подъему научного и художественного творчества, пробуждению социально-политической мысли. В этот период, который швейцарские историки называют «золотой порой наук», Швейцария выдвинула таких видных ученых и просветителей, как Боннэ, Соссюр, Бодмер, Брайтингер, Лафатер и др., давших могучий толчок исследованиям в области естественных наук, истории, филологии, экономической и политической жизни. Одновременно возникали литературные и научные общества, издательства, библиотеки и иные просветительные учреждения. Формировалось новое поколение швейцарской буржуазной интеллигенции, проникнутое идеями свободы и прогресса, критически относящееся к отечественной действительности и стремящееся коренным образом изменить жизнь родного народа, обеспечить ему возможность свободного культурного развития. Возникло общественное движение под флагом прогрессивного для того времени буржуазно-демократического патриотизма.

Швейцарское патриотическое движение началось еще в 60-х годах XVIII в. Несколько лет спустя после появления в свет сочинения Франца Урса Балтазара «*Patriotische Träume eines Eydgenossen von einem Mittel, die veraltete Eydgenossenschaft wieder zu verjüngen*» («Патриотические мечты члена Союза о средствах к омоложению одряхлевшего Союза») ², в Женеве юрисконсульт Жан-Жак Бурламаки обнародовал две книги — «*Principes du droit naturel*» («Начала естественного права») и «*Principes du droit politique*» («Начала политического права»), в которых были сформулированы основные идеи, провозглашенные позднее в знаменитой «Декларации прав человека и гражданина». Одновременно в 1762 г. было основано «Гельветское общество», вскоре объединившее до двухсот представителей передовой интеллигенции из разных частей страны для обсуждения путей к прогрессивному развитию швейцарского народа. Некоторая часть этой интеллигенции, воспринявшая идеи физиократов, счи-

² Книга Балтазара была издана анонимно в 1758 г., причем в качестве места издания и издательства на ней было символически обозначено: Freystadt, bei Wilhelm Tells Erben (Вольноград, у наследников Вильгельма Телля).

тала важнейшим из таких путей путь агрономических преобразований, осуществимых объединением интеллигенции с крестьянством под лозунгом «Назад к природе!» Другие полагали, что меры, предлагаемые «экономическими патриотами» (так их прозвал Песталоцци), полезны, но недостаточны, и вдохновлялись также социально-политическими идеями, которые они черпали из вольнолюбивых традиций швейцарского народа, из его требования, которое Цвингли когда-то сформулировал как требование республики, которая обуздавала бы тиранов и передала управление общественными делами и общественным хозяйством в руки всех.

Гельветские общества под различными наименованиями и с различными специальными задачами (научными, литературными, экономическими, военными и др.), но проникнутые общим духом патриотизма, стали создаваться в разных городах. В Цюрихе, который слыл тогда «швейцарскими Афинами», центрами демократической мысли были Collegium Carolinum (Карлова коллегия) и Helvetische Gesellschaft zur Gerwe (Гельветское общество у скорняков), причем ведущую роль в них играли известные ученые Бодмер и Брайтингер. Учившийся в 1763—1765 гг. в Карловой коллегии Песталоцци под влиянием этих учителей вступил в Гельветское общество, втянулся в новое движение и со всем пылом своей увлекающей натуры отдался ему (впоследствии он сам говорил, что весь горел идеями «патриотов»).

В этот период Песталоцци выступил в журнале «Der Erinnerer» («Нагоминатель»), органе «патриотов», с первым своим литературным произведением, озаглавленным «Wünsche» («Пожелания») и представляющим собой радикально-демократические по духу афоризмы, в которых намечается постановка вопросов воспитания масс как неотъемлемой части общей проблемы переустройства общества.

К этому же времени относится тираноборческое сочинение Песталоцци «Agis», повествование о молодом спартанском царе, которого автор представляет как смелого борца против олигархии, поборника социального и политического равенства. Это — апология борьбы за свободу, не останавливающейся даже перед необходимостью политического убийства во имя правой цели. «Слушайте это, люди, тиранов все еще не убивающие, учитесь их только истреблять, слушайте и узнайте, что лишь полное их уничтожение может обеспечить смертных, чтобы больше они им не вредили». Таков урок, который выводит из истории об Агисе автор, заявляющий, что он говорит «забытым языком свободы». Его же примечание о том, что никто, разумеется, не станет искать в этом сочинении намеков на современное положение в отечестве, звучало иронически и не оставляло читателю никаких сомнений относительно актуальной цели, какую преследовал Песталоцци.

Это произведение, прочитанное самим двадцатилетним автором в кружке «патриотов» и в 1766 г. напечатанное в «Lindauer Journal» («Линдавский журнал»), было восторженно встречено революционно настроенной молодежью. Песталоцци включается и в дело более широкой пропаганды и в конце января 1767 г. оказывается арестованным и преданным суду за соучастие в распространении листовки «Крестьянская беседа», квалифицированной цюрихскими властями как «позорное мятежное писание». Это вызывает еще большее усиление бунтарства молодежи, на что власти отвечают дальнейшими репрессиями. Молодых «патриотов» лишают права занимать государственные и общественные должности. Песталоцци, по словам его биографов, в этот момент настолько опьянен революционными идеями, что даже «Крестьянская беседа», по словам

одного из его биографов, «была в сравнении с выходками Песталоцци кротким и невинным сочинением»³.

Однако обстоятельства личной жизни вскоре временно отвлекли Песталоцци от общественно-политической деятельности, а невозможность устроиться в городе и стремление стать ближе к народу, к крестьянству, направили его жизненные искания в сторону сельского хозяйства.

Оторвавшись от города и его революционных кружков, он целиком отдается устройству своих личных дел, а затем увлекается созданием производственно-воспитательного предприятия в Нойхофе. Воодушевленный просветительскими идеями, он хочет провести большой социально-педагогический опыт и ищет поддержки среди просвещенных «друзей человечества» из высших классов. Но их оказывается слишком мало, и начинание в Нойхофе терпит крах к 1780 г. Глубокое уныние овладевает тогда Песталоцци, он уходит в литературную работу и в последующие годы создает ряд произведений, проникнутых демократическими социально-реформаторскими идеями.

Вступив в 1780 г. в орден иллюминатов, Песталоцци вскоре занимает в нем видное положение в качестве главы швейцарских членов ордена. В связи с этим у него возникает надежда приобрести поддержку просвещенных монархов и прогрессивно настроенных и влиятельных лиц, близких к иллюминатам, для возобновления социально-реформаторских опытов. Но обращение Песталоцци в 1785—1790 гг. к графу Цинцендорфу, к императору Иосифу II и к великому герцогу Тосканскому (позднее ставшему австрийским императором) Леопольду остаются безрезультатными. Жестокое разочарование постигает его, а поездка в 1792 г. в Германию и непосредственное ознакомление с контрреволюционной «просвещенной» Европой развеивают последние его надежды. Иллюзии разбиты, и будущее кажется Песталоцци беспросветным.

Но именно в этот момент события, происходившие во Франции и распространявшие свое влияние далеко за ее пределами, коснулись и родины Песталоцци и его самого, открыв ему непредвиденные перспективы.

2. РЕВОЛЮЦИЯ 1789—1794 гг. ВО ФРАНЦИИ И ЕЕ ВЛИЯНИЕ В ШВЕЙЦАРИИ

Внутреннее положение Швейцарии к концу 80-х годов XVIII в. было таково, что для значительных масс народа становилась ясной назревшая необходимость коренных изменений. Многие понимали, что, как выразился консервативный цюрихский историк Ангист Финзлер, «в общем и целом изменить положение могло только полное преобразование всех отношений, только революция»⁴. Волнения и восстания в городах, крестьянские возмущения и бунты, как и требования гельветских «патриотов», свидетельствовали о том, что в среде народа Швейцарии была подготовлена благодарная почва для семян революции.

Давние связи Швейцарии с Францией благоприятствовали идейному общению, и многие швейцарцы еще до 1789 г. следили за движением, подготовлявшим революцию во Франции, тем более что вдохновлявшие это движение идеи казались им как бы продолжением и развитием прогрессивных социально-политических идей, гораздо ранее родившихся на швейцарской земле.

³ A. Heubaum. J. H. Pestalozzi. Berlin, 1920, S. 22.

⁴ A. Finsler. Zürich in der zweiten Hälfte des 18. Jahrhunderts. Цит. по кн.: R. Seidel. Der unbekannte Pestalozzi. Zürich, 1909, S. 10.

Через некоторых из многих тысяч швейцарцев, служивших в войсках французского короля, среди которых велась революционная пропаганда, новые идеи передавались на их родину. 31 августа 1790 г. взбунтовался один из полков швейцарцев, расквартированный в Нанси. Бунт был подавлен, полк разоружен, и военный суд, состоявший из офицеров-швейцарцев, приговорил одного из мятежников к колесованию, 23 — к повешению и 41 — к галерам. Созданный французской общественностью специальный комитет, возглавлявшийся Тальеном, добился от Законодательного собрания амнистии каторжникам. После этого Колло д'Эрбуа организовал 15 апреля 1792 г. торжественный прием освобожденных швейцарцев Собранием. Мари-Жозеф Шенье сложил по этому случаю оду, в которой приветствовались «сорок смертоносцев, высоко ценимых Робеспьером», «швейцарцы Колло д'Эрбуа»⁵. С огромным энтузиазмом депутаты и публика встретили швейцарцев, завершивших здесь свой триумфальный путь от Бреста до Парижа.

Швейцарское правительство протестовало против такого вмешательства французских революционеров и строго требовало от швейцарцев, служивших французскому королю, безусловной покорности, требовало, чтобы они, выражаясь словами Энгельса, «позволяли убивать себя за свое жалованье с величайшей добросовестностью»⁶. Когда же 10 августа 1792 г. около 650 швейцарцев погибли, защищая короля и его семью от справедливого гнета восставших парижан, и та же судьба постигла значительное число швейцарцев во время сентябрьских событий, правительство Швейцарского Союза не спешило отозвать из Франции своих сынов, проданных французскому королю, и они были уволены с французской службы только по решению Законодательного собрания Франции.

Судьба служивших во Франции швейцарцев была использована французской контрреволюционной эмиграцией и иностранной (английской и австрийской) агентурой в Швейцарии для пропаганды, направленной против революционной Франции. Но эта пропаганда не имела большого успеха, так как ей противостояла неизмеримо более влиятельная в Швейцарии тех лет профранцузская пропаганда, которую вели находившиеся во Франции швейцарские эмигранты-демократы и которой оказывали действительную поддержку друзья на родине.

После подавления восстаний 1781—1782 гг. во Фрейбурге и в Женеве некоторые участвовавшие в них видные революционеры были вынуждены бежать во Францию. Среди них были фрейбургский адвокат Н.-А. Кастелла и женевцы Дюмон, дю Ровере, Клавьер, Паншо и Рейбаз, а также Швейцер и Бидерман из Цюриха и другие швейцарские демократы. Некоторые из них пользовались большим влиянием, как, например, Этьен Клавьер, ставший в 1792 г. первым министром финансов Французской республики, или Этьен-Саломон Рейбаз, который, будучи допущен на заседание Национального конвента 23 августа 1794 г., в своей речи заявил, что приносит Французской республике «перо Руссо и стрелу Вильгельма Телля»⁷.

В 1790 г. эти швейцарские эмигранты, по инициативе Кастелла, основали в Париже «Клуб швейцарских патриотов», пользовавшийся поддержкой французских революционных деятелей различных направлений. Клуб

⁵ Цит. по кн. Ed. Chappuisat. *La Suisse et la Revolution française*. Genève — Appemasse, 1945, p. 103.

⁶ Ф. Энгельс. *Гражданская война в Швейцарии*. К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 229.

⁷ Ed. Chappuisat. *Op. cit.*, p. 103.

этот развил широкую пропагандистскую деятельность в Швейцарии, создав с этой целью особый «Тайный комитет корреспонденции». Просуществовал он сравнительно недолго (последнее его заседание состоялось 3 августа 1791 г.), но и после закрытия клуба примыкавшие к нему швейцарские революционеры продолжали начатое дело и оказывали значительное влияние на развивавшееся в Швейцарии демократическое движение.

Требование отмены феодальных прав и идеи свободы и равенства встречали живой отклик в широких кругах населения Швейцарии — как в городах, так и в сельских местностях. Пример Франции указывал швейцарским крестьянам путь к освобождению от феодальных повинностей и от гнета городов, городским ремесленникам и буржуазии — путь к освобождению от всевластия патрициата, интеллигенции — путь к свободному развитию культуры и просвещения, к общему подъему родной страны. В отдельных кантонах дело дошло до бунтов и восстаний: в 1789 г. — в Шафгаузене, Тоггенбурге и др.; в 1790 г. — в долине Роны, подвластной Оберваллису; в 1791 г. — в кантоне Во (Ваадт); в 1792 г. — в Базельском епископате, где была образована Рауракская республика, вскоре присоединившаяся к Франции под наименованием департамента Мон-Террибль; в том же году — в Женеве, где спустя полгода, 9 июня 1793 г., народное собрание провозгласило «Декларацию прав и обязанностей общественного человека». Одни из этих восстаний закончились победой народа, другие были подавлены силой, порою с большой жестокостью.

Многие передовые люди в Швейцарии с глубоким интересом и сочувствием следили как за развивающимися во Франции революционными событиями, так и за народным движением в своей собственной стране. Среди этих передовых представителей швейцарской общественности особое положение занял Песталоцци.

3. ПЕСТАЛОЦЦИ — ПОЧЕТНЫЙ ГРАЖДАНИН РЕВОЛЮЦИОННОЙ ФРАНЦИИ

Еще в начале 1792 г. перед французскими революционерами встал вопрос о том, как отметить заслуги великих людей, не принадлежащих к французской нации, но по своим идеям и делам близких ей. Вопрос этот обсуждался в Комитете народного просвещения Законодательного собрания 10 февраля 1792 г. Полгода спустя, 24 августа, депутация во главе с Мари-Жозефом Шень представила Собранию петицию, в которой заявлялось, что «все те, кто в разных краях света делали человеческий разум зрелым и подготавливали пути к свободе, должны быть рассматриваемы как союзники французского народа». Петиция заканчивалась призывом к законодателям: «Присудите доблестным талантам, любви к свободе славную и достойную награду, и пусть благодетели человечества будут объявлены французскими гражданами»⁸. Далее следовал список кандидатов, в почетные граждане Франции, и в этом списке значился и Песталоцци. Законодательное собрание на том же заседании приняло решение, что «звание французского гражданина будет предоставлено всем философам, которые имели смелость защищать свободу и равенство в чужих странах»⁹; а два дня спустя был принят декрет, в силу которого восемнадцать выдающихся иностранцев, в том числе Песталоцци, стали почетными гражданами Французской Республики¹⁰.

⁸ J. Guillaume. *Études révolutionnaires*, t. II, Paris, 1909, p. 430.

⁹ *Procès-verbal de l'Assemblée législative*, t. XIII, Paris, 1889, p. 284; *Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de l'Assemblée législative*, Paris, 1889, p. 116.

¹⁰ *Ibid.*, p. 116—117.

Песталоцци реагировал на это избрание двумя письмами. Первое из них, адресованное председателю Национального конвента, заключало не только благодарность за избрание, но и заверение в «искренней привязанности к новому отечеству» и заявление о страстном желании «получить возможность в качестве верного гражданина в меру своих сил содействовать упрочению его счастья»¹¹. Во втором письме, написанном неизвестному нам адресату, через посредство которого передавалось первое, Песталоцци, указывая, что оказанная ему французской нацией честь обязывает его посвятить себя служению новому отечеству, заверял: «В области народного просвещения я могу пролить свет, как никто иной, и так как я полагаю, что отечество нуждается в объединенных познаниях и объединенной деятельности людей, имеющих опыт в этой области, то я беру на себя смелость представить Вашей любви к отечеству мое желание получить возможность внести свою долю содействия этой конечной цели и рекомендую себя Вашему благосклонному вниманию для этой цели...»¹².

Отныне Песталоцци с гордостью подписывается «Citoyen français» («Французский гражданин») и видит во Французской республике возможную опору для осуществления своих широких социально-воспитательных замыслов, опору, какой он не нашел среди «просвещенных человеколюбцев» из высших классов.

Песталоцци был больше человеком действия, чем мыслителем. Естественно, что из своего французского гражданства он хотел сделать и практические выводы. Известно, что с этой целью он в конце 1792 г. задумал поездку в Париж. В связи с этим в правительственных кругах Берна стали считать Песталоцци опасным якобинцем, а в окрестностях Нойхофа распространяли всевозможные клеветнические измышления о нем. Сильное беспокойство охватило и его родных, которые решили во что бы то ни стало воспрепятствовать осуществлению этой «безумной затеи». Целый год длилась борьба Песталоцци, рвавшегося в свое новое отечество, с противодействием людей, которые пускали в ход всевозможные средства давления, чтобы удержать его. В конце концов, осенью 1793 г. он вынужден был отказаться от своего плана поездки в Париж.

Однако это отнюдь не означало изменения взглядов Песталоцци на Французскую революцию, изменения его отношения к революционной Франции. В отличие от некоторых представителей европейской интеллигенции того времени, которые (как, например, избранные одновременно с Песталоцци французскими гражданами Клопшток, Шиллер и другие) встретили восторженными приветствиями только начало революции, а затем, не поняв исторической необходимости революционного насилия, отвернулись от революции,— Песталоцци защищал революционную Францию безоговорочно и до конца. Более того, именно в период революционного террора он решительно выступил против клеветующих на революцию, написав с этой целью произведение, которое Джеймс Гийом с полным основанием сравнивает по «мужественному и сильному красноречию», по «стоицизму мысли» и «республиканской строгости» с знаменитой «*Defensio pro populo anglicano*» («Защита английского народа») Мильтона и характеризует как своего рода апологию Французской революции¹³.

¹¹ Pestalozzi's sämtliche Werke, Bd. VIII, S. 78. О своем избрании Песталоцци узнал из газет и из полученного им частного письма, очевидно с некоторым опозданием, когда уже начал свою деятельность Национальный конвент. Будучи недостаточно информирован, Песталоцци полагал, что почетное право французского гражданина присвоено ему Конвентом.

¹² J. Guillaume. Op. cit., t. II, p. 429—430.

¹³ J. Guillaume. Op. cit., t. II, p. 449—451.

Произведение, о котором идет речь, было написано вскоре после казни Людовика XVI, в момент, когда европейская реакция повела яростные атаки против французской революции и вдохновлявших ее идей. На титульном листе рукописи значится: «ja oder Nein? Aeusserungen über die bürgerliche Stimmung der europäischen Menschheit in den obern und untern Ständen. Von einem freien Mann. Im Hornung 1793». («Да или нет? Суждения о гражданских настроениях европейского человечества в высших и низших сословиях. Сочинено свободным мужем в феврале 1793 г.»)¹⁴. «...Разве действительно верно, что современное просвещение и модные разговоры о свободе и правах человека полностью подрывают истинное благополучие общественного порядка, что они угрожают решительной опасностью авторитету всякого начальства и всякой законной власти...? Или, быть может, все это бред? И не являются ли причиной тому, наоборот, большие коренные ошибки правительств и распространенные среди народов различные действия, делающие человечество нашего времени недовольным своим положением и приводящие к тому, что оно проявляет, — разумеется, со всеми свойственными нашей природе ошибками, — желание изменить гражданское положение и главным образом законом ограждать его от все более и более гнетущих современных прегрешений правительств?»¹⁵. Так ставит Песталоцци кардинальной важности вопрос, от ответа на который зависит та или иная позиция в сложной социальной и политической борьбе конца XVIII в.

Противопоставляя две борющиеся точки зрения — владельцев господ и народа, Песталоцци в дальнейшем рисует все ужасы старого режима, и в резких словах его горит страстный гнев, который находит выражение то в едком сарказме, то в высоком пафосе. Он доказывает, что сама действительность породила революционные настроения, охватившие народы Европы, а не философия просвещения, которая сама по себе имеет своим источником эту действительность. Песталоцци заявляет, что абсолютная монархия, пришедшая на смену прежним феодальным порядкам, и растущая власть золота, распространившаяся на все области жизни государства и общества, привели к кризису. Денежная олигархия, придворная знать и поддерживающее их духовенство — вот виновники зла, а не революционный народ. Экстремизм последнего — закономерное следствие, естественная необходимость, и кратковременная революционная «анархия» целесообразна¹⁶.

Далее защищая правомерность и жизненность народной революции, Песталоцци отказывался быть «беспристрастным» («unparteiisch») и откровенно заявлял: «Я меньше всего намерен ускользать тут и там под двойственной маской так называемого беспристрастного писателя... Да, я пристрастен в пользу народа (parteiisch fürs Volk)...»¹⁷.

Касаясь положительных задач революции, Песталоцци указывал на необходимость выяснить и уточнить понятие свободы, во имя которой народ совершает революцию. Гражданскую свободу он определяет как обеспечение законом прав человека в общественном состоянии от всяких посягательств. Гражданская свобода — это закрепленная законом народная сила, которая, с его точки зрения, должна покоиться на праве на хлеб и на мероприятиях, обеспечивающих граждан от опасности для жизни. Выражением прав народа должны быть образовательные учреждения, облег-

¹⁴ Pestalozzi's sämtliche Werke, Bd. VIII, S. 7.

¹⁵ Ibid., S. 13.

¹⁶ Ibid., S. 33.

¹⁷ Ibid., S. 34.

чающие гражданам добывание средств к существованию, и учреждения предусмотрительности (Vorsehungsanstalten), охраняющие от урезывания властями возможность для всех пользоваться своими правами. Песталоцци определяет свободу также как «образованную мудростью законодательства возможность для гражданина делать то, что может сделать его как гражданина преимущественно счастливым, и не совершать того, что может сделать его несчастным как такового»¹⁸. Для достижения такой свободы, по мысли Песталоцци, необходимы правовое самоограничение, замена естественной свободы гражданской свободой и достижение того «равновесия прав правительства и народа», «равновесия сил народа и сил правительства», которое является первоисточником народного благосостояния при демократическом строе.

Революция, разрушающая старый порядок и ведущая к новому правопорядку, сопровождалась и сопровождается многими ужасами, и такое тяжелое положение будет в дальнейшем еще ухудшаться. Но это, по мнению Песталоцци, неизбежная необходимость. «Переход человечества из рабства в правовое состояние,— говорит он,— вызывает обычно такие настроения в народе и, кажется, часто даже требует таких настроений, которые противны нравственному порядку общественного состояния... Анархия немногих обычно находит свой предел только в анархии многих... Чувственность, кровожадность, жестокость народов, борющихся за свободу, всегда следствие того состояния, из которого они выходят, а не того, в которое они хотят вступить. Не может быть поставлено под сомнение и следующее: Муж, который руководит кровавой борьбой за свободу, должен использовать народ для своей цели так, как он найдет это нужным, и он терпел бы, наверное, каждый раз неудачу в борьбе, если бы не хотел предоставить людям, чувственно опьяненным и ставшим по вине деспотизма кровожадными, поле действия для настроений, которые их одолевают»¹⁹.

Как гуманист Песталоцци сожалеет о крайностях революционного террора, но он понимает историческую неизбежность и прогрессивную целесообразность их. Он полагает, что если бы «друзья человечества» за пределами Франции объединились в протесте не столько против жестокостей «революционного абсолютизма» французского народа, как против того отживающего строя, который привел к этому, зло было бы значительно уменьшено. Вместе с тем он обращается и к законодателям революционной Франции с призывом повести страну к мирному строительству новой жизни и с победой революции устранить последнюю тень бесправия, твердо установив новый правопорядок.

Одновременно Песталоцци призывает свое новое отечество отказаться от насильственного перенесения французского опыта в другие страны, где необходимость революции не назрела и где большинство народа в культурном и политическом отношении не созрело для переустройства государственной и общественной жизни на демократических основах. Он дружески предупреждает французский народ, что такие попытки не имели бы успеха, а самой Франции могли бы принести только вред, так как способствовали бы росту и объединению сил ее врагов. В качестве примера страны, не созревшей для революции, Песталоцци приводит Германию того времени, которая по его мнению, могла бы избежать революции при условии добровольного самоограничения монархической власти и восста-

¹⁸ Pestalozzi's sämtliche Werke, Bd. VIII, S. 38.

¹⁹ Ibid., S. 41—42.

новления ею законных прав народа. Но такая возможность представляется ему только как сон, как мечта.

Таково содержание «Ja oder Nein?», крупнейшего и важнейшего из произведений Песталоцци, посвященных французской революции. Опубликовать его автору не удалось, ибо ни в Швейцарии, ни в Германии никто не решился напечатать его, и оно увидело свет лишь 79 лет спустя²⁰. Дополняяющий его небольшой набросок мыслей Песталоцци о санкюлотизме и христианстве, на основе которого он собирался написать трактат под заглавием «Dazwischenkunft des Menschengefühls; im Streit einiger Meinungen über das tierische, das gesellschaftliche und das sittliche Recht unserer Natur» («Вмешательство человеческого чувства в борьбу некоторых мнений о животном, общественном и нравственном праве нашей природы»), был обнародован еще позднее, через 90 лет после написания²¹. Примечательно, что на титульном листе рукописи Песталоцци значится: «Von einem französischen erwählten Bürger» («Сочинено французским избранным гражданином»).

В это время Песталоцци намеревался приступить к работе над большим философским сочинением, которое было написано позднее под заглавием: «Meine Nachforschungen über den Gang der Natur in der Entwicklung des Menschengeschlechts» («Мои исследования о ходе природы в развитии человеческого рода»). Это сочинение, начатое зимой 1793—1794 гг., было издано три года спустя, но без посвящения французскому народу, которое автор первоначально составил. Между тем текст посвящения, опубликованный только через столетие с лишним²², представляет для нас большой интерес как яркое дополнение к рассмотренной выше апологии французской революции. Обращаясь к французскому отечеству, избравшему его одним из своих граждан, и к теперь для него уже не чужому французскому народу, «кровь которого с такой силой течет за права рода человеческого», Песталоцци торжественно заявляет: «Вся земля должна быть тебе, как и я сам, признательна за эту кровь; но она спрашивает с насмешкой еще и сейчас: Как, за всю кровь? Я отвечаю смело: «Да, за всю кровь, поскольку она привлекла внимание земли к праву в силе рода человеческого». Напоминая дальше о давней борьбе швейцарского народа за свободу и высказывая пожелание, чтобы приобретенные ценою бесчисленных смертей права человека никогда не были утрачены, Песталоцци заканчивал свое посвящение следующими словами: «И пусть скоро пробьет час, когда сыны Гельветии соединятся все с тобою, как я сегодня, с глубокой любовью к своей свободе и с искренней радостью твоей свободе, верные праву своей независимости и в то же время верные тебе». Эти строки были написаны в то время, когда революционный террор достиг во Франции высшей точки своего развития.

Приняв присужденное ему французское гражданство не только как почетное право, но и как обязанность, Песталоцци старался принести пользу своему новому «отечеству» и практическими делами. Еще в конце 1792 г. Песталоцци писал Лафатеру, что он «решил написать для Франции о различных сторонах законодательства»²³. Впоследствии это реше-

²⁰ Pestalozzi's sämtliche Werke. Bd. XVI. Ueber die Ursachen der französischen Revolution. Hrsg. v. C. Seyffarth, 1872.

²¹ «Pestalozzi-Blätter», 1883, S. 86—92.

²² «Pestalozzi-Blätter», März 1901. S. 8.

²³ J. Guillaume. Op. cit., t. II, p. 448.

ние было осуществлено в конкретных предложениях, касавшихся некоторых хозяйственных и культурных проблем.

Узнав осенью 1793 г. о продовольственном кризисе во Франции и о мероприятиях революционного правительства к преодолению его, в частности о мероприятиях по внедрению и распространению культуры картофеля, Песталоцци составил докладную записку о культуре картофеля во Франции.

В своей «записке о картофеле» Песталоцци подчеркивает важность преодоления народнохозяйственных трудностей для успешного развития революции, указывая, что если все граждане будут привлечены к посильному участию в сельскохозяйственном производстве, в частности в развитии интенсивной культуры картофеля, продовольственные нужды народа будут удовлетворены, а это будет содействовать спасению революционного отечества. Далее он предлагает тщательно разработанный план, в котором предусмотрены как хозяйственно-организационные мероприятия (занятие под картофель всех, вплоть до самых малых свободных участков земли в городах; реквизиция семенного картофеля в стране, спешный ввоз его из заграницы и плановое его распределение; реквизиция удобрений и т. д.), так и мероприятия пропагандистского характера (создание национальной песни в честь культуры картофеля, присвоение последнему наименования «растения безопасности» или «растения независимости», учреждение народного «праздника картофеля», проведение торжественных испытаний посевов и т. п.). Песталоцци обращается здесь с горячим призывом к Франции: «Отечество! Так же, как ты зовешь «Aux armes!» [К оружию!], «Au chantier!» [На строительный двор!], «Au salpêtre!» [За селитрой!], так же зови: «Вперед, за разведение картофеля!»²⁴. Снова напоминая о важности этого дела, он требует, «чтобы дочь санкюлота в настоящий момент так же мало считала для себя зазорным нести ушат навоза из своего дома на картофельное поле, как и швейцарская крестьянка», и чтобы рассадчик картофеля, являющийся «спасителем и сохранителем сынов и друзей Отечества», почитался так же, как «вооруженный брат», мстящий врагам. Заканчивается записка призывом к французам проявить и в этом деле спокойствие и выдержку, необходимые для спасения революционной Франции. «Граждане!— взывает Песталоцци.— Будьте не слабее Теллева юноши,— стойте твердо и уверенно, спокойной силой, всегда, когда возникает нужда, при экономии хлеба, при потреблении картофеля,— как и в бою, и тогда вы спасете Отечество»²⁵.

Позднее, в 1794 г. после того как победа революционной армии устранила непосредственную опасность извне, когда экономическое положение Франции улучшилось и республика занялась больше устройством своих внутренних дел, Песталоцци выступил с предложениями, относящимися к области народного образования: написать историю «войн швейцарцев с деспотами», «подготовить другое произведение, которое будет содержать все, что есть наиболее демократического, полезного, разумного и т. п. в образе правления гельветов», «составить элементарные сочинения, способные укрепить французскую свободу путем возрождения нравов и распространения просвещения»²⁶. По всем этим предложениям Комитетом народного просвещения Национального конвента были приняты положительные решения. Известно также (об этом имеются сведения в письме к

²⁴ Pestalozzi's sämtliche Werke, Bd. VIII, S. 84.

²⁵ Ibid., S. 85.

²⁶ Procès-verbaux du Comité d'instruction publique de la Convention nationale, t. V, p. 221, 248—249.

Песталоцци проживавшего тогда в Швейцарии датчанина Баггесена от 24 ноября 1794 г.²⁷), что Песталоцци в то время поручил публицисту Карлу-Эрнсту Эльснеру, поселившемуся в Париже и близкому к французским революционерам, связаться с Грегуаром и другими французскими культурно-политическими деятелями для установления сотрудничества его, Песталоцци, при осуществлении мероприятий Комитета народного просвещения.

В нашем распоряжении нет документальных данных о практических результатах только что отмеченных предложений. Песталоцци. Но и то, что известно, доказывает, что почетный гражданин Франции Песталоцци работал на благо своего второго «отечества» и что эта его деятельность встречала полное одобрение в руководящих учреждениях Французской республики.

Наступление реакции в послетермидоровской Франции породило даже в среде передовой интеллигенции разочарование в революции, неверие в творческие силы народных масс и в революционные методы переустройства общества. Естественно, что впечатлительная и увлекательная натура Песталоцци не могла не поддаться такому разочарованию. С конца 1794 г. он больше не занимается французскими делами. Сохраняя свои основные демократические позиции, он проявляет в общественно-политических выступлениях крайнюю умеренность. Так, например, в так называемом деле Стэфа, общины, где во второй половине 1794 г. возникло мирное демократическое крестьянское движение, жестоко подавленное дюринской олигархией, он не поддержал «патриотов», а пытался выступить в роли посредника-примирителя. В результате Песталоцци потерял доверие революционных демократов, отношение же к нему олигархического правительства оставалось враждебно-подозрительным. Все это снова повергает его в глубокий пессимизм, близкий к отчаянию.

В эти тяжелые годы Песталоцци углубляется в философские размышления и пишет свои «Nachforschungen», к которым при издании в 1797 г. дает уже другое посвящение. В конце книги он пишет о себе самом, что «свет... разбил его своим железным молотом, как каменщик разбивает бесполезный камень», и что «то, что от него осталось, это не больше как обломки его существования, попираемые ногами...».

Но такое упадочное настроение сохранялось недолго. Вскоре новая революционная волна, которая поднялась во Франции, приведя к перевороту 18 фрюктидора V года (4 сентября 1797 г.), докатилась и до Швейцарии. Подъем революционно-демократического движения захватил и старого гельветского «патриота» и французского гражданина Песталоцци, перед которым открылись новые возможности творческой деятельности.

4. ГЕЛЬВЕТСКАЯ РЕСПУБЛИКА И УЧАСТИЕ В НЕЙ ПЕСТАЛОЦЦИ

Несмотря на враждебность швейцарского олигархического правительства к революционной Франции и его попустительство интригам французских эмигрантов-контрреволюционеров и антифранцузских агентов, возглавлявшихся английским дипломатическим представителем в Берне Уикхемом, вызвать войну между Швейцарией и Францией не удалось, и на союзном собрании в сентябре 1792 г. оно добилось только решения о разрыве дипломатических отношений с Францией. Между тем со стороны Французской республики делалось все, чтобы подчеркнуть ее доброжелательное отношение к швейцарскому народу.

²⁷ «Pestalozzi-Blätter», 1882, S. 29.

В декрете, принятом Национальным конвентом 19 ноября 1792 г., предлагались «братство и помощь всем народам, которые захотят взять себе свободу», и содержалось обещание «помочь этим народам и защитить граждан, которые пострадали или могут пострадать за дело свободы». При этом имелась в виду помощь только тем народам, которые сами стремятся присоединиться к Франции. Правда, политическое, военное и финансовое положение создавало почву для успеха идеи присоединения к Франции некоторых соседних территорий, и эта идея, соответствовавшая интересам экономической экспансии французской торгово-промышленной буржуазии, получила большую популярность в конце 1792 г. и нашла свое выражение в формуле «естественных границ», ярким протагонистом которой стал Дантон. Однако против экспансионистской политики выступили многие революционеры-якобинцы, из них наиболее решительно — Робеспьер, по настоянию которого 18 июня 1793 г., при утверждении проекта главы XXV Конституции, посвященной отношениям Французской республики с другими государствами, Конвент осудил политику революционной экспансии и пропаганду освобождения народов силой оружия.

Выступая в Конвенте 27 брюмера II года (17 ноября 1793 г.) с речью о политическом положении Французской республики и ее отношениях с другими нациями, Робеспьер особо отметил Швейцарию, народ которой прославился в истории своей борьбой за свободу. Робеспьер признавал швейцарцев народом, «чей союз с республиканской Францией является столь же естественным, сколь внушительным», народом, «который свободные французы могут уважать»²⁸. В принятой тогда же по предложению Робеспьера декларации Конвент подтверждал верность Французской республики договорам, полное соблюдение ею территориальной целостности всех нейтральных и союзных наций, лояльность и уважение к их интересам и, в частности, сохранение дружественных отношений с Швейцарией. Вскоре после этого, в начале декабря, в Швейцарию был послан друг Робеспьера, Пейян, со специальной миссией, имевшей целью положить конец вражеским интригам, исправить линию поведения французских агентов и содействовать укреплению дружеских отношений между Швейцарией и Францией.

Пока Французскую республику возглавляло якобинское правительство, оно, оказывая моральную и политическую поддержку революционно-демократическим силам швейцарского народа, в то же время воздерживалось от вторжения своих вооруженных сил на территорию Швейцарии, несмотря на то, что некоторые швейцарские эмигранты во Франции считывали именно при помощи французской революционной армии свергнуть господство олигархии в их родной стране. Но с ростом сил республики окрепшая буржуазия, связанная с верхушкой генералитета, толкала Францию на путь превращения освободительной революционной войны в войну захватническую. И если Робеспьер неоднократно предупреждал об опасности такого пути и даже в последнем своем выступлении в Конвенте 8 термидора (26 июля 1794 г.) говорил об опасностях, вызванных победой, и необходимости закрепить достижения революции, то после падения якобинской диктатуры положение коренным образом изменилось. Послетермидоровская Франция перешла к завоевательным войнам, используя при этом стремление народов Европы к свободе в качестве

²⁸ Rapport fait à la Convention Nationale, au nom du Comité de Salut Public, par le citoyen Robespierre, membre de ce Comité, sur la situation politique de la République, le 27 brumaire, l'an 2 de la République, p. 8.

средства к захвату новых рынков сырья и сбыта для утвердившей свое господство крупной буржуазии. В этих новых войнах, выдвинувших на первое место Наполеона Бонапарта и приведших его к власти, захват территории Швейцарии имел немаловажное стратегическое значение, как имел экономическое значение и возможный при этом захват ее богатств. Борьба же, которая велась внутри Швейцарии против пережитков феодализма и олигархического режима, способствовала осуществлению планов французских завоевателей, поскольку швейцарские революционеры продолжали смотреть на Францию как на великую нацию, которая, освободившись сама, готова бескорыстно помогать освобождению других наций.

4 января 1798 г. в г. Монтре было посажено первое на швейцарской земле «древо свободы», три недели спустя, 24 января, в Лозанне была провозглашена независимость от Берна территории Во (Ваадта), принявшей наименование Леманской республики, а 27 января в нее вступили французские войска в качестве ее союзников и защитников. В остальной Швейцарии эти события были восприняты как победа в борьбе народа против олигархии и содействовали быстрому распространению освободительного движения. Восстания последовали одно за другим в Золотурне, Фрейбурге, Шафгаузене, Люцерне, Цюрихе и других кантонах, в Нижнем Валлисе и других подвластных землях. Олигархические правительства оказались бессильными перед лицом этого народного движения и были вынуждены уступить. В этих условиях вступление французских войск в Швейцарию, происходившее в марте того же года, не только почти не встретило сопротивления, но даже приветствовалось народом. 12 апреля созданное в Аарау Союзное собрание провозгласило Гельветскую республику — «единую, неделимую, демократическую и представительную», приняло новую конституцию по проекту Петера Окса и избрало возглавленную им директорию в качестве нового правительства.

Среди швейцарских демократов, приветствовавших революционный переворот, совершенный при поддержке французских вооруженных сил, был и Песталоцци. Даже в предшествующие годы, когда он играл, как это было отмечено выше, «соглашательскую» роль, сильно повредившую его репутации в «патриотических» кругах, этот просветитель подчеркивал свою приверженность республиканским и демократическим идеям и продолжал носить трехцветную кокарду. Он заявлял тогда, что в случае победы олигархии, которая предаст страну Австрии, «патриотам» пришлось бы эмигрировать во Францию, и полагал, что «патриоты» должны поэтому, заручившись помощью французов, при условии сохранения независимости Швейцарии, произвести государственный переворот. И вот теперь, когда такой переворот, допускавшийся им как необходимость, стал совершившимся фактом, Песталоцци немедленно прибыл в Аарау и представил себя в распоряжение революционного правительства.

В начале мая 1798 г. директория Гельветской республики дала Песталоцци важное поручение: составить прокламацию от ее имени к кантонам, которые отказались принять новую конституцию. Речь шла о горных кантонах, сторонниках кантональной первобытно-швейцарской варварской демократии, кантонах, ставших оплотом контрреволюционного движения²⁹. Эти поборники отжившей старины, подстрекаемые врагами революции и действующие во вред подлинным интересам народа, были разоб-

²⁹ Энгельс справедливо назвал это движение «борьбой упрямых пастухов против напора исторического развития, борьбой упорных, неподвижных местных интересов против интересов всей нации, борьбой невежества против образованности, варварства против цивилизации». К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 228—229.

лачены в написанном Песталоцци «Призыве к издревле демократическим кантонам»³⁰, получившем 18 мая одобрение директории.

Разрешение основного вопроса гельветской революции — об отмене феодальных прав, в особенности права десятины, — осложнялось тем, что около трех четвертей этих прав принадлежало в Швейцарии городам и государству, а не частным лицам, и в связи с этим в среде законодателей Гельветии нашлось немало сторонников лишь частичной их отмены или же отмены с выкупом. Песталоцци занял позицию безоговорочного осуждения всех феодальных прав и требовал немедленной и полной отмены десятины. В июне 1798 г. он выпустил брошюру против десятины³¹, где доказывал несовместимость последней с принципами революции. Отстаивая интересы трудового народа, Песталоцци оспаривал абсолютное значение «священного права собственности». Говоря о последней, он заявлял, что «она существует на свете ради человека, а не человек ради нее», а потому «народ должен знать, что собственность священна не сама по себе, а только ради своей цели», которая заключается в том, «чтобы большее число людей могло беспечнее и удобнее жить на своем месте»³².

Это литературное выступление Песталоцци имело своим продолжением устную агитацию его среди крестьянства, о которой член Союзного собрания Георг Мюллер писал своему брату Иоганнесу Мюллеру, будущему историку Швейцарии, 31 мая 1798 г.: «Тут появился сумасброд Песталоцци, держал каждый вечер речи к крестьянам, доказывал им, что десятина происходит из ада, и довел их до такого бешенства, что даже лучшие из них теперь угрожают сенату опаснейшими насилиями, если он не отменит ее немедленно и безоговорочно»³³. Несколько месяцев спустя, в письме от 4 октября, тот же Георг Мюллер, сообщая брату о дальнейших «неистовствах» Песталоцци, сравнивал последнего с Робеспьером. Добавим, что позднее, после того как законодательные советы Гельветской республики разрешили (10 ноября 1798 г.) вопрос о десятине в компромиссном духе, Песталоцци написал еще более радикальное сочинение против десятины, которое даже его друзья называли «бешеным» и напечатания его не допустили³⁴.

Выступая по другим вопросам внутренней и внешней политики Гельветской республики, Песталоцци проявил себя в этот период столь же решительным революционером-демократом. Когда подписанный в Париже 19 августа 1798 г. союзный договор между Францией и Гельветией был ратифицирован гельветскими законодательными собраниями, он восторженно приветствовал этот союз в написанном с подлинно поэтическим вдохновением обращении к своему отечеству, доказывая спасительный характер революции как гаранта свободы и независимости, как пути к установлению нового порядка³⁵.

Революционное правительство Гельветии, несмотря на все трудности организационного и финансового порядка, осуществило ряд крупных преобразований, прогрессивное значение которых вынуждены признать даже не сочувствующие ему историки.

³⁰ «Zuruf an die vormalis demokratischen Kantonen». «Pestalozzi-Blätter», 1886, S. 17—21. Pestalozzi's sämtliche Werke, Bd. VIII, S. 166—170.

³¹ Pestalozzi. Ueber den Zehnten. Aarau, 1798. Pestalozzi's sämtliche Werke, Bd. VIII, S. 279—297.

³² Ibid., S. 291.

³³ A. Heubaum. Op. cit., Bd. I, S. 180.

³⁴ Оно было впервые опубликовано в 1900 г. в Pestalozzi's sämtliche Werke, Bd. VIII, S. 299—306.

³⁵ An mein Vaterland. Ibid., S. 189—191.

Утверждение нового строя требовало большой разъяснительной работы в среде народа, и в связи с этим большое значение приобретала пресса. Гельветское правительство начало выпускать в качестве своего официоза газету «*Helvetisches Volksblatt*» («Гельветский народный листок»), первый номер которой вышел 8 сентября 1798 г. Редактирование ее было доверено Песталоцци, и он осуществлял его до своего отъезда в Штанц 7 декабря того же года. За три месяца он выпустил девять номеров, в которых поместил 14 своих статей на актуальные политические темы³⁶. Все эти статьи выражают решительную и безоговорочную поддержку мероприятий революционной власти, будучи направлены на закрепление и развитие основ нового строя, на пробуждение сознательной самопомощи народа как неперменной основы этого строя, на упрочение союза с Францией.

Насколько уверен был тогда Песталоцци в правоте дела Гельветской республики, видно из позиции, занятой им при подавлении контрреволюционного восстания отсталых горцев в кантоне Нидвальд. В этот критический для революции момент Песталоцци выступил от своего имени с прокламацией к народу Гельветии³⁷, где представлена картина отсталости горцев, используемых врагами революции и прогресса, показана невозможность мирными средствами заставить их подчиниться революционному порядку и делается вывод о неизбежности кровавых жертв ради спасения республики, о преступности сентиментальничания при таком положении³⁸. «Тогда, Гельветы,— гласят заключительные слова прокламации,— взвесьте, Отечество ли должно стать несчастным и ли мятежники, и тогда, мужи Отечества, не будьте слабы. Пусть в ваше сердце болеет за ваших братьев, но пусть рука ваша бьет врага и спасает страну!»³⁹.

9 сентября призванные правительством Гельветской республики французские войска вступили в Штанц, центр мятежников, и жестоко подавили восстание. На следующий день Песталоцци заявлял в «Гельветском народном листке», что, несмотря на тяжелые переживания, «нужно собрать все свое мужество и признать, что иного выхода не было», и что теперь надо укреплять республику и «сделать все возможное, чтобы подобное не повторялось»⁴⁰. Будучи в то же время против всякой мести, он вскоре написал другое сочинение о судьбе Унтервальдена⁴¹, где вскрывал причины заблуждения отсталых горцев и указывал на необходимость политического просвещения народных масс и братской помощи им.

Однако столь решительно отстаивая новый порядок, Песталоцци выступал и против его недостатков, за их преодоление. В «Революционной беседе», написанной им в то время, он говорит об опасности политиканского пустословия и засилья чиновников, лишаящих «патриотизм» его творческих сил, о необходимости пробудить народ к самостоятельности и просвещению, для развития которых как основной предпосылки прогресса

³⁶ Pestalozzi's sämtliche Werke, Bd. VIII, S. 192—195, 207—269.

³⁷ An Helvetsiens Volk! Aarau, 1798, Ibid., p. 161—165.

³⁸ Уместно напомнить здесь слова Энгельса о том, что тогда, как и позднее, происходила «борьба цивилизованной, промышленной, современно-демократической Швейцарии против грубой христианско-германской демократии древних скотоводческих кантонов», и что в процессе этой борьбы выяснилось, что «внуков Телля и Винкельрида нельзя образумить никакими доводами, кроме пушечных ядер», и что проявленная этими повстанцами, храбрость «была не чем иным, как отчаянием грубых и суеверных горных племен, упрямо противившихся цивилизации и прогрессу» (К. Маркс и Ф. Энгельс. Соч., т. V, стр. 227).

³⁹ Pestalozzi's sämtliche Werke, Bd. VIII, S. 165.

⁴⁰ Ibid., S. 225.

⁴¹ Ibid., S. 196—200.

открыла путь революции. «Отечество,— утверждает он здесь,— будет спасено только этим путем и только этим путем свобода и равенство станут для народа истиной, наслаждением и жизнью»⁴².

В связи с такими взглядами Песталоцци не мог довольствоваться работой публициста, а мечтал об осуществлении своих заветных планов социально-воспитательной деятельности, которая в новых условиях должна была, по его мысли, сочетаться с деятельностью революционно-политической и привести к успешным и значительным результатам.

Уже в первые дни Гельветской республики Песталоцци ознакомил своего друга Иоганна-Лукаса Леграна, бывшего тогда временным президентом директории, со своими социально-воспитательными планами. 21 мая 1798 г. он возбудил ходатайство о предоставлении ему средств для этой цели, уверяя, что «при помощи трех-четырёхмесячного опыта важнейшие результаты будут выяснены и доказаны»⁴³. Это ходатайство было поддержано министром просвещения Филиппом-Альбертом Штапфером, и доклад последнего о предложении Песталоцци был одобрен директорией; но осуществление этого предложения было отложено, так как порученная Песталоцци литературно-политическая работа признавалась тогда более нужной.

После событий в Штанце у Песталоцци возникла мысль создать именно в этом разрушенном городе детский дом для сирот и беспризорных детей как первый опыт, который послужил бы основой для дальнейшего осуществления широкого плана социально-культурного обновления страны. Несмотря на то, что в самом Штанце идея Песталоцци была встречена враждебно, директория постановила учредить там детский дом, предоставив ему внешние строения тамошнего монастыря. Постановление было принято 18 ноября 1798 г., а 30 ноября было утверждено положение о детском доме в Штанце, директором которого был назначен Песталоцци. Неделию спустя он направился к месту назначения и с увлечением приступил к работе, которая была для него по сути возобновлением в новых условиях, при лучших, многообещающих возможностях, того, что он вынужден был прервать восемнадцать с лишним лет назад.

Песталоцци целиком отдался этому «патриотическому» делу. Он хотел создать систему воспитания детей народа, детей бедноты, воспитания, основанного на коллективной жизни и соединении производительного труда с обучением. Он хотел выработать единый и простой метод обучения, применимый в народных массах и способный содействовать их самопробуждению, их саморазвитию, их самодеятельности, их самопомощи. Песталоцци сознавал, что ему предстоят большие трудности, но он верил в свое дело, и надежды его были столь же велики, как и его рвение.

История шестимесячной деятельности Песталоцци в Штанце достаточно известна. Ему приходилось здесь жить и работать в атмосфере крайней враждебности, поддерживаемой контрреволюционной пропагандой, под угрозой кровавых провокаций, к которым вскоре присоединилась и угроза приближения военных действий. В таком окружении, с постоянной опасностью для жизни, в невероятно тяжелых, несмотря на щедрую поддержку революционного правительства, материальных условиях, Песталоцци с энтузиазмом отдался социально-воспитательной творческой работе, опыт которой вошел ярчайшей страницей в историю педагогики нового времени.

Полгода спустя, 7 июня 1799 г., помещение, отведенное детскому дому

⁴² Pestalozzi's sämtliche Werke, Bd. VIII, S. 188.

⁴³ J. Guillaume. Op. cit., p. 512.

в Штанце, было временно занято французскими войсками под лазарет, и воспитательное учреждение перестало существовать. Для Песталоцци это было убийственным ударом, как можно судить по двум его письмам: правительственному комиссару Цшокке⁴⁴ и «одному другу» (предположительно Гесснеру)⁴⁵. Во втором из этих писем Песталоцци с большой ясностью изложил свои социально-педагогические воззрения и описал опыт в Штанце. В это же время он снова выступил как политический публицист, написав вторую брошюру против десятины (о ней уже упоминалось выше).

Некоторые друзья Песталоцци поддерживали его в этот тяжелый для него момент. Министр просвещения Штапфер, надеясь, что после окончания военных действий удастся восстановить детский дом в Штанце под руководством Песталоцци, тем временем добился решения директории о предоставлении последнему возможности продолжать в школах Бургдорфа опыты по применению его методов обучения. Но когда осенью 1799 г. территория Гельветской республики была очищена от врагов, а детский дом в Штанце был восстановлен, Песталоцци к руководству им возвращен не был.

Раздраженный несправедливым к нему отношением правительства Гельветской республики, Песталоцци разочаровался в людях гельветской революции, в тех, о ком он два года спустя станет говорить как о *poivi homines*, которые не поняли и не признали его. Дальнейший общий ход исторических событий — переворот 18 брюмера VIII года, завершивший агонию Французской революции актом установления диктатуры Наполеона Бонапарта, и последовавший через месяц переворот 7 января 1800 г. в Швейцарии, знаменовавший торжество реакции и превращение Гельветции в вотчину Наполеона, — привел Песталоцци от крушения личных надежд и веры в людей, к крушению веры его в революцию как путь к социальному возрождению. Это разочарование в революции, охватившее в то время многих представителей передовой общественной мысли (в том числе и великих социалистов-утопистов), нашло своеобразное выражение в написанной в 1801 г. книге Песталоцци «*Wie Gertrud ihre Kinder lernt*» («Как Гертруда учит своих детей»).

Несмотря на «раскаяние» Песталоцци, восторжествовавшая реакция мстила ему за прошлую его революционную деятельность, и некоторые фанатики угрожали даже убить его при удобном случае.

Старая демократическая закваска, продолжая бродить где-то в глубине души знаменитого «патриота», иногда прорывалась еще наружу. Так, в 1802 г. он выступил с брошюрой по вопросам культурного, военного и налогового законодательства⁴⁶, в которой развивал широкую программу демократических социальных реформ. Благодаря этому выступлению, встреченному с одобрением в демократических кругах и с резкой враждебностью в кругах реакционных, Песталоцци оказался в октябре 1802 г. избранным в депутаты Консульта, совещательного собрания, которое Наполеон созвал в Париже для выработки новой конституции Швейцарии. В Париже Песталоцци решительно выступил против антидемократического проекта конституции и отстаивал сохранение всеобщего и равного избирательного права, введение прогрессивного подоходного налога, провозглашение всеобщего обучения как конституционного права и т. п. Все

⁴⁴ «Pestalozzi-Blätter», 1899, S. 62.

⁴⁵ «Wochenschrift für Menschenbildung», 1807.

⁴⁶ «Ansichten über die Gegenstände, auf welche die Gesetzgebung Helvetiens ihr Augenmerk vorzüglich zu richten hat», Pestalozzi's sämtliche Werke, Bd. VIII, S. 363—394.

эти предложения были встречены враждебно и насмешливо: на предложение Песталоцци ввести в конституцию статью о всеобщем обучении Наполеон высокомерно ответил: «Я не занимаюсь азбукой».

Это было последним выступлением Песталоцци на арене политической деятельности. Потерпев и на этот раз неудачу, он навсегда отошел от политики и целиком отдался педагогической работе. Однако эту работу он не считал полноценным осуществлением своих творческих устремлений и возможностей. «Мой институт, каким он зародился среди хаоса в Бургдорфе, каким он существовал в своей уродливости в Ифертене,— писал впоследствии Песталоцци в своей «Лебединой песне»,— не был целью моей жизни... На невольничьей скамье своего института я больше не принадлежал себе, я не был больше самим собой... То, что собственно принадлежит мне в моих стремлениях, идет вовсе не из Бургдорфа, а от первых порывов моей любви к народу и к детям...»⁴⁷.

Знаменитый педагог-методист, учитель буржуазных детей в обеспеченных школах Бургдорфа, Мюнхенбухзее и Ифертена, разработавший там новые, полные гениальных догадок методы обучения,— это уже не движимый свободным творческим порывом революционный новатор социальной культуры, а только ограниченный узкими рамками высокоталантливый мастер, из нужды работающий на чуждых ему господ. Огонь вдохновенного творчества погас в нем, когда погасло пламя революции, частичкой которого он был.

---

⁴⁷ Pestalozzi's sämtliche Werke, 1882, Bd. XIV, S. 231—237.

Тематически связанные материалы:

Педагогические идеи Великой французской революции:
речи и доклады Мирабо, Талейрана, Кондорсе, Лавуазье и др.
/ перевод и вступит.статья О.Е.Сыркиной, под ред. А.П.Пинкевича
<http://www.diary.ru/~vive-liberta/p75053125.htm>